

А. С. Зуев^{1,2}, А. А. Люцидарская²

¹Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: zuev@lab.nsu.ru

²Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Акад. Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: luzid@ngs.ru

ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ СИБИРСКИХ СЛУЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ В КОНЦЕ XVI – НАЧАЛЕ XVIII ВЕКА *

В статье рассматривается и анализируется этнический состав сибирских служилых людей – социальной группы, сыгравшей ведущую роль в присоединении Сибири к России. В центре внимания три основных источника пополнения этой группы нерусским элементом: выходцы из европейских стран, представители поморо-уральских народов и коренного населения Сибири.

Ключевые слова: Сибирь, этническая история, служилые люди, казачество.

Среди тех, кто шел «встречь солнцу» и присоединял Сибирь к России, были не только русские, но и представители многих других народов. Исследователи, занимавшиеся изучением сибирского казачества конца XVI – начала XVIII в., всегда указывали на то, что в комплектовании этой социальной группы заметную роль играли как выходцы из стран Европы, так и сибирские аборигены, а также представители нерусских народов Севера Руси и Приуралья. При этом первым уделялось повышенное внимание, особенно бывшим подданным Речи Посполитой, в том числе на уровне отдельных биографических очерков (обзор историографии см.: [Соколовский, 2004. С. 14–72]; из новых публикаций см.: [Люцидарская, 2007; Раев, Резун, 2004; Резун, Соколовский, 2000; Соколовский, 2005]). Вторые редко становились объектом специального интереса историков (на сегодняшний день изучению подверглись лишь служилые татары и обские угры [Бахрушин, 1955б. С. 153–175; Тычинских, 2007а]), а третьи вообще выпадали из исследовательского

поля как особый компонент формирования сибирского казачества. Кроме того, изучение места и роли «иноземцев» в составе казачества до сих пор велось в рамках отдельных сибирских регионов и даже городов. Такой подход, с одной стороны, позволял обстоятельно осветить обозначенную тему в региональном ракурсе (более всего в этом отношении повезло Западной Сибири), но, с другой стороны, затруднял видение ситуации в масштабах всей Сибири и соответственно выявление региональных специфик.

Лакуны в изучении этнического состава сибирского казачества объясняются во многом сложностью вычленения самого объекта исследования.

Во-первых, источники, которые содержат поименные перечни служилых людей по гарнизонам (ежегодные окладные книги жалованья, именные расходные книги и т. д.), как правило, не указывают на этническую принадлежность. Те же «именные списки», которые отражают данную информацию, составлялись периодически (верстальные книги, сметные и городовые списки, дозор-

* Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России», проект «Коммуникативная культура русских казаков-первопроходцев: традиции и новации в процессе освоения полиэтничного пространства Сибири (конец XVI – начало XVIII в.)».

ные и переписные книги) или в случае возникшей необходимости («росписи» ссыльных людей, послужные списки, разборные книги). Многие из этих документов еще не введены в научный оборот, а возможно, и не сохранились. Иначе говоря, в распоряжении историков нет массовых источников, которые бы позволили оперировать статистикой, да еще с динамикой по годам. Кроме того, надо принимать во внимание тот факт, что служилые люди разных «национальностей» часто перемещались из гарнизона в гарнизон, как правило, по ходу присоединения новых земель – с запада на восток. Случалось так, что один и тот же человек мог одновременно числиться в списках разных городских команд: и по месту постоянной «прописки», и по месту временной командировки.

Во-вторых, формальная фиксация в документах XVII в. принадлежности служилого человека к какой-либо «национальности» может не соответствовать реальности. Среди военнопленных, ссылаемых в Сибирь и официально помеченных как «поляки» и «литва», встречались и люди с «русскими» фамилиями (Андреевы, Ивановы, Васильевы и т. д.), возможно, белорусы и русины – представители православного или униатского населения Речи Посполитой.

В-третьих, не вполне надежны данные ономастики: носителями чисто «русских» имен и фамилий (оканчивающихся в основном на -ов) могли оказаться крещеные иностранцы, тогда как «иностранные», например условно «польско-литовские» фамилии (оканчивающиеся на -ский, -ской, -вич), могли носить полонизированные русины, а также русские и украинцы – выходцы из районов русско-польско-литовского культурного «фронтiera». Нередким было и изменение фамилий в сторону их «русификации», причем до неузнаваемости (Вильгельм Бернслей превратился в Андрея Барнешлева, Яган Ремес – в Ивана Рымшу и т. д.).

Наконец, надо отметить «поразительный разноречивый в написании и сочетании имен, фамилий и прозвищ одних и тех же людей» в различных документах XVII в. [Никитин, 1988. С. 19]. Если уж русские фамилии могли писаться в нескольких вариантах, то иностранные – тем более (например, Вынберх-Вылберх-Вилборх-Вынберк или Шульц-Шыц-Шкут). В связи с этим «национальная»

принадлежность нередко выявляется лишь по источникам «индивидуального» происхождения – челобитным служилых людей.

Особо сложна проблема вычленения в составе служилых людей представителей нерусского поморо-поволжско-уральского и сибирского населения. При верстании в службу они в обязательном порядке крестились (или уже были крещены до этого) и принимали русские имена и фамилии (см.: [Люцидарская, 1996]). В официальных документах первое время после верстания (обычно год-два) к фамилии неофита добавлялась приставка «новокрещен», но затем она исчезала или превращалась в фамилию (Новокрещеных, Новокрещенов), и казак-абориген до конца жизни идентифицировался как «русский». Исключение составляли лишь отдельные «иноземные» подразделения, существовавшие в некоторых гарнизонах – юртовские служилые татары или «казаки иноземного списка». Служившие в них люди, как правило, не крестились и сохраняли свои «породные» имена, которые, однако, переименовывались на русский манер добавлением окончания -ов (так, например, дети татарина Кульмамета превращались в Кульмамметевых, а монгола Запа – в Заповых).

Указанные трудности не позволяют сделать сколько-нибудь точные статистические подсчеты, однако, обобщая данные, уже имеющиеся в исследовательской литературе, и дополняя их новыми сведениями из архивных документов, вполне возможно обрисовать этнический «портрет» сибирских служилых людей на протяжении конца XVI – начала XVIII в. Изучение обозначенной проблемы позволит расширить наши представления по истории служилого сословия и выйти на решение очень интересного и до сих пор почти неизученного вопроса: насколько принадлежность служилых людей (по происхождению и жизненному опыту) к разным этнокультурным общностям задавала различные стратегии и тактики их поведения в полиэтничном пространстве Сибири в тот сложный и драматичный период, когда сибирские аборигены усилиями казаков-землепроходцев превращались в подданных «белого царя».

Служилые люди появились в Сибири с началом ее присоединения в конце XVI в. По мере строительства городов и острогов они составляли их гарнизоны (городовые

команды). Каждый гарнизон был приписан к уездному центру. В прочие же остроги, острожки и зимовья временно командировались так называемые «годовальщики». В числе сибирских служилых людей присутствовали казаки (в том числе «иноземных» списков), стрельцы, воротники, пушкари, затинщики, дети боярские, к концу XVII в. – дворяне. Общая численность служилых людей постоянно росла: к началу XVII в. их было более 1 тыс., к середине этого века – более 5 тыс., к началу XVIII в. – 9–10 тыс. человек. Поскольку подавляющее большинство служилых людей было представлено казаками, а статус, происхождение и реальное положение прочих «чинов» мало отличались от казачьего, то в исторической литературе соционим «казаки» («казачество») часто применяется в отношении всех сибирских служилых людей, что, по нашему мнению, вполне правомерно.

Нерусский элемент в составе служилых людей можно разделить на три группы.

К первой отнесем выходцев из стран, расположенных к западу от Московского государства, от Скандинавии до Кавказа. Согласно «национальной» маркировке, встречающейся в документах, в этой группе выделялись следующие основные этнические компоненты: литовцы («литва», «литвины», «литовские люди»), поляки («поляки», «польские люди», «иноземцы польские земли»), украинцы («черкасы», «черкашенины»), белорусы («белорусцы»), немцы из Прибалтики, Германии и Австрии («немцы», «немчины», «немецкие люди» «Лифлянской земли», «Прусские земли», «Цесарской земли», т. е. империи Габсбургов), татары («татаровья»), проживавшие в Речи Посполитой и Крыму. Кроме того, встречаются упоминания о шведах («немцы Швецкие земли»), шотландцах («немцы Шкоцкия земли»), французах («немчины Французской земли»), голландцах («немчин Галанской земли»), а также англичанах и бельгийцах. По косвенным данным, преимущественно прозвищам-фамилиям, можно предположить, что в Сибири были испанцы («Нешпанко»), венгры («Угренин», «Венгерской»), валахи («Волошанин / Волошанинов», «Волохов»), греки («Гречанин / Гречанинов», «Грек»). В источниках упоминаются также «гайдуки» (и фамилия «Гайдуков»), но их этническая принадлежность неясна. Так назывались лица, слу-

жившие в особых воинских подразделениях армии Речи Посполитой – «пехоте гайдуцкого строя». Но не исключено, что эти подразделения комплектовались по этническому принципу – из венгров, сербов, валахов и болгар (как известно, гайдуки – партизаны, борцы против османского гнета – появились на Балканах).

Подчас всех вышеназванных уроженцев «Запада» именовали одним словом «иноземцы». Отметим также, что «этнимы», применяемые в русской делопроизводственной и обыденной лексике XVII в. к этим «иноземцам», имели не столько собственно этническую идентификацию, сколько обозначали принадлежность к определенной территории («земле»), очерченной рамками какого-либо государства. Поэтому «литвой», «поляком» или «немцем» мог оказаться человек любой «национальности» – выходец из соответствующей «земли», даже той, которая ни разу не упоминается в источниках.

В Сибирь попадали и вольные казаки с Дона, Терека и Волги, а среди них при преобладании славянского (русского и украинского) элемента встречались представители тюркских и кавказских народов.

Вторая группа, выделенная нами, включает выходцев из северо-восточных районов Руси – Северного Поволжья, Поморья и Приуралья. Проживавшие здесь нерусские народы к началу присоединения Сибири являлись подданными московского государя и в разной степени уже подверглись обрусению, поэтому «иноземцами» в рассматриваемое время их не называли.

Третья группа – представители народов Сибири. В их отношении принцип этнической идентификации работал намного четче и строже. Все они именовались «иноземцами», а если в документах фиксировалась этническая принадлежность служилого человека из среды аборигенов, то применялись известные в то время этнимы: татары, остяки, тунгусы, якуты, монголы и т. д. Другое дело, что персональная этнимия подменялась конфессиональным подходом (новокрещены) и бесследно исчезала.

Первые казаки, пришедшие в Сибирь в составе дружины Ермака, были выходцами из вольных казачьих общин Дона, Волги, Северного Кавказа, Запорожья. Учитывая этническую пестроту вольного казачества, можно полагать, что таковая присутствовала

и у ермаковцев. На эту мысль наводят дошедшие до нас прозвища некоторых казаков: Григорий Ясырев (Ясырь), Иван Александр Черкас (Корсок), Никита Пан, Тарх Иванов Козарин [Никитин, 2001]. По сведениям Строгановской летописи, в походе участвовали также «литва» и «немцы», служившие у Строгановых, возможно, из числа взятых в плен в Ливонской войне [Катанаев, 1908. С. 36; Никитин, 1991. С. 48].

Со строительством первых русских городов в Сибири их гарнизоны формировались преимущественно путем перевода ратных людей из европейской части страны, а также набора добровольцев. Заметным способом комплектования сибирского «войска» стало и зачисление на службу ссыльных, в том числе военнопленных, а также представителей местных народов. Царские указы конца XVI в. предписывали набирать для сибирской службы пленную «литву», «выезжих» черкас, казаков, татарских мурз и прочих «иноземцев» [Катанаев, 1908. С. 63]. В результате в Сибири появились первые «европейцы». Не все они были ссыльные, встречались и те, кто во второй половине XVI в. добровольно «выехал» на службу к московскому государю и по собственной воле переехал в Сибирь. А в 1610-х – начале 1620-х гг. на «взятие» Сибири была отправлена группа «поляков», «литвы» и «немцев», перебежавших на царскую службу в конце Смуты: по известным данным, в 1619 г. – 75, в 1620 г. – более 50 человек [Бахрушин, 1955а. С. 163; Никитин, 1991. С. 52; Александров, Покровский, 1991. С. 84]. П. Н. Буцинский выявил, что с 1614 по 1624 г. всего «не русских подданных» в Сибирь было сослано 319 человек [Буцинский, 1999. С. 197]. Но, как правильно указал В. И. Шунков, часть из них в 1619 г. была возвращена в Москву для размена с Речью Посполитой [Шунков, 1974. С. 36].

Таким образом, уже в начале присоединения Сибири возникли два способа пополнения местных гарнизонов уроженцами стран «Запада»: ссылка военнопленных и лиц, совершивших разного рода преступления, как уголовные, так и политические; и перевод на службу, причем как добровольный, так и принудительный (последний напоминал собой ссылку). При этом среди «переведенцев» и ссыльных «преступников» были и те, кто ранее по собственной воле «выехал» в Россию, и те, кто попал в плен и поверстался в службу до отправки в Сибирь, а среди «преступников» – те, кто

сразу отправлялся на службу, и те, кто «верстался» в нее, отбыв предварительно определенный срок в Сибири «в тюрьме» или «за приставы».

Судя по частоте упоминаний в документах конца XVI – начала XVII в. «литвы», «черкас» и «немцев», они уже тогда составляли заметную группу служилого населения Западной Сибири и принимали активное участие в окончательном разгроме сибирского хана Кучума, в подчинении русской власти западно-сибирских народов, строительстве городов и острогов. В частности, среди 35 служилых людей Тары, Тобольска и Тюмени, сопровождавших в 1598 г. плененных родственников Кучума (царевичей и царич), было 10 человек «литвы» [Никитин, 1991. С. 50].

О немалой численности «западных иноземцев» в составе служилых людей в это время говорит тот факт, что в ряде западно-сибирских гарнизонов были созданы особые подразделения – так называемые «литовские» и «черкасские» «списки». По данным 1626/27 г., таковые имелись в Тобольске (109 человек, или 15,2 % от всего гарнизона), Тюмени (соответственно 36 и 10,9 %), Таре (72 и 17,0 %), Пельме (10 и 12,0 %) и Березове (9 и 3,0 %). Правда, как показало исследование Н. И. Никитина, в составе этих «списков», помимо бывших подданных и военнотружущих Речи Посполитой (с учетом того, что Украина тогда входила в ее состав), были русские и новокрещенные сибирские аборигены. По его подсчетам, например, в Тюмени в 1628/29 г. из 41 служилого человека «литовского списка» было лишь 2 человека «литва», 6 – «черкас», да 5 человек «литвы тюменских уроженцев», в Тобольске в 1630 г. в таком же списке (всего 116 человек) значились 63 человека «литвы и черкас» и 28 – «литвы тобольских уроженцев» [Никитин, 1988. С. 32, 39, 41].

Но, с другой стороны, «иноземцы-западники» верстались по всем гарнизонам и в «обычные» казаки, а также в стрельцы и в командный состав – дети боярские, атаманы, головы. К примеру, в Сургуте в 1625/26 г. в стрельцах и казаках служили два «поляка», два «литвина», один «немчин» и даже один «арап» (араб?)¹, в Тобольске в 1633 г. – 9 человек «литвы и поляков и немец» – в детях боярских, 8 –

¹ Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири. Екатеринбург, 2002. С. 197–203.

«литвы» и один «немец» – в казаках, 3 – «литвы» – в стрельцах² (см. также: [Никитин, 1988. С. 41; 1991. С. 63]. Польско-литовскую шляхту вообще и в это время и в последующем активно зачисляли в дети боярские. Нерусский элемент мог быть и среди вольных казаков, которые набирались или ссылались в сибирскую службу. Их численность неизвестна, однако, судя по отрывочным сведениям, она была немалой. Так, в 1619 г. в тобольские казаки было велено зачислить 40 «выезжих запорожских черкас» [Буцинский, 1999. С. 198], в Березове в 1627/28 г. служили 19 донских казаков [Никитин, 1988. С. 26–27].

Численность «немцев» в составе гарнизонов в первые десятилетия присоединения Сибири была весьма незначительной, хотя они и фиксируются документами с конца XVI в. За 1598–1630 гг. удалось пока поименно выявить всего 30 человек: 16 – в Тобольске, 2 – в Сургуте, 4 – в Таре, 1 – в Тюмени, 1 – в Березове и у 4 – место службы неизвестно [Rezun, Zuev, 1996. S. 59–60]. Один казак с фамилией «Немчин» в 1633/34 г. был в Пельме [Никитин, 1988. С. 40] и один «немчин» в 1633 г. – в Нарыме [Емельянов, 1981. С. 18]. Возможно, их было больше. В. К. Андриевич сообщает, что только в 1607 г. в Сибирь были сосланы 52 «немца» [Андриевич, 1889. С. 137]. Правда, не все они могли быть поверстаны в службу.

В целом к началу 1630-х гг. основная масса служилых «иноземцев» – «поляков», «литвы», «черкас», «немцев» – сосредотачивалась в Тобольске, Таре и Тюмени [Никитин, 1988. С. 42], в других же первых сибирских городах (Верхотурье, Туринске, Пельме, Березове, Сургуте, Нарыме, Кетске) их насчитывалось единицы.

С продвижением русских рубежей на восток «иноземцы» «западного» происхождения появились в новых сибирских гарнизонах – Мангазеи, Томска, Кузнецка, Енисейска, Красноярска. Первоначально там они, скорее всего, оказались в составе военных отрядов, направленных на строительство названных городов.

«Литва» (численность неизвестна) и «черкасы» (6 человек) фиксируются в

окладной книге Томска за 1624 г. В 1629/30 г. из 358 томских служилых людей 18 были «литвой» и один – «немчином», в 1631/32 г. из 541 – 30 «иноземцев», в том числе трое – «немчины» [Соколовский, 2004. С. 89] (см. также: [Соколовский, 2005; Емельянов, 1982. С. 36]. Первыми «западниками» в Кузнецке были, вероятно, 21 «черкас», сосланные сюда в 1624–1625 гг. К концу 1620-х гг. появилась и «литва» [Каменецкий, 2005. С. 114–115, 209]. Если верить Д. Я. Резуну, «черкасы» в 1625 г. составляли четверть гарнизона Кузнецка [Резун, 1993. С. 37]. В Енисейском остроге по одному «литвину» упоминается в 1623 и 1626 гг. [Александров, 1964. С. 37; Соколовский, 2004. С. 93]. Среди казаков, ставивших Красноярский острог в 1628 г., фигурируют три человека с фамилиями, имеющими «иностранный оттенок» (Пронка Черноковской, Томилко Голомолзин и Семейка Фунтов) [Быконя, 2008. С. 90, 94, 95]. В 1631 г. в Красноярск было сослано 45 иностранцев, записанных в служилые люди [Соколовский, 2004. С. 96]. В гарнизоне Мангазеи в 1625/26 г. отмечены в стрельцах один «литвин» и два «черкаса» [Обдорский край..., 2004. С. 137] (см. также: [Бахрушин, 1955а. С. 169, 180, 297]).

Новая (после Смуты) крупная партия «европейцев» была направлена в Сибирь в годы Смоленской войны (1632–1634 гг.). Среди них были как военнопленные (в основном), так и лица, которые пытались дезертировать с царской службы. Их точное общее число и распределение по городам неизвестны. По данным, приводимым В. И. Шунковым, в 1633 г. в сибирскую службу поверстали 83 военнопленных, в 1634 г. – 14, в 1635 г. – 140 [Шунков, 1974. С. 36]. Согласно «росписям» ссыльных, «которые присланы к государю из Сибири» в 1635 г. (содержащим, возможно, не полные сведения), военнопленных времен Смоленской войны насчитывалось не более 200 человек, они распределялись в Томск (67 человек), Енисейск (62), Красноярск (45) и несколько человек – в Сургут. В «росписях» они названы «литовскими людьми», однако многие имели «русские» фамилии. Судя по этим документам среди ссыльных пленных были поляки, литовцы, белорусы, украинцы, «гайдуки» и точно один «немец» (лифляндец Яска Тенкин, который умер в Енисей-

² Тобольск. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. М., 1885. С. 26–27

ске)³ (см. также: [Александров, 1964. С. 82; Соколовский, 2004. С. 90]). Их появление на короткий срок резко увеличило долю «европейцев» в гарнизонах указанных городов. Однако после заключения мира с Речью Посполитой почти все оставшиеся в живых пленные вернулись на родину. Из них остались только 5 «литвин» в Енисейске и один – в Красноярске [Александров, 1964. С. 87; Соколовский, 2004. С. 76]. Указанные «росписи» сообщают также о том, что из Сибири была возвращена и часть «дезертиров» (речь о находившихся на русской службе «литве» и «немцах»), хотя большая их часть осталась (в том числе упоминаются два «немца», отправленные служить в Кузнецк [Rezun, Zuev, 1996. S. 62]).

В 1635 г. в связи с попыткой создать в Сибири войска «нового строя» из Нижнего Новгорода в Тару было переведено 92 служилых «иноземца» – преимущественно «поляки», «литва» и «черкасы». Были также один «гайдук» и один крещеный «немец». Встречались и русские, а также «иноземцы», принявшие православие, что не позволяет определить их национальность⁴ (см.: [Раев, Резун, 2004]).

Помимо ссылки военнопленных и дезертиров правительство продолжает ссылать в Сибирь «преступников». Масштабы ссылки с 1630–1640-х гг. нарастают, среди ссыльных в немалом числе встречались вольные казаки, «поляки», «литва», «черкасы» и изредка – «немцы». В Сибирь на службу направлялись и те пленные, которые после окончания Смоленской войны по разным причинам или не были отпущены на родину, или пожелали стать «государевыми» служилыми людьми (см.: [Буцинский, 1999. С. 199–210; Шунков, 1974. С. 33–37; Александров, 1964. С. 82, 83; Александров, Покровский, 1991. С. 87–89; Сафронов, 1967; Никитин, 1991. С. 56–57; Соколовский, 2004. С. 76, 79–82, 84, 94]). Еще ранее, видимо, с 1620-х гг., стала практиковаться и ссылка «иноземцев» (за разные «преступления») из западных районов Сибири далее на восток – на новые присоединяемые территории – в верхнее Приобье, Енисейский

край, Прибайкалье, Якутию. Попадали они туда и в результате землепроходческого движения и перевода на службу.

Всего, по подсчетам П. Н. Буцинского, в 1593–1645 гг. в Сибирь было сослано около 650 иностранных подданных «западного» происхождения и 366 «черкас» – русских подданных [Буцинский, 1999. С. 195]. Однако значительная их часть определялась в Сибири на поселение и зачислялась в крестьяне или посад, а многие возвращались на родину в ходе размена пленными.

Сколько «европейцев» оседало в Сибири, связав свою судьбу с «государевой» службой, вычислить вряд ли возможно, но они в разной пропорции встречались во всех имевшихся к середине XVII в. сибирских гарнизонах. Особые подразделения «литвы» сохранялись в Тобольске (в 1650 г. – 130, или 13,7 % численности гарнизона), Тюмени (101 человек, вместе с новокрещенцами и конными казаками, или 12,6 %) и Таре (соответственно, 176, или 20,1 %). Но эти подразделения по-прежнему были разбавлены русскими и новокрещенцами. В северо-западных гарнизонах немногочисленная «литва» служила в казаках и стрельцах [Никитин, 1988. С. 36, 40, 168, 170, 208].

«Иноземные списки» оформились в гарнизонах Томска, Кузнецка, Енисейска, Красноярска. И. Р. Соколовский, специально выявлявший данные о служилых людях польско-литовского происхождения, определил, что в Томске в 1636/37 г. их насчитывалось не менее 17 человек (2 % гарнизона), в Енисейске в 1636/37 г. – 16 (4,3 %), в Красноярске в 1638/39 г. – 7 (2,5 %). В Красноярске же из присланных в конце 1630-х гг. «черкас» была сформирована «черкасская полусотня», а в Енисейске в 1637 г. «станция» атамана О. Галкина (59 человек) во многом состояла из «литвы» и «черкас» [Соколовский, 2004. С. 94, 96] (см. также: [Александров, 1964. С. 83]). «Черкасы» в эти годы фиксировались и в Мангазее. В Кузнецке, по подсчетам И. П. Каменецкого, в 1638–1660 гг. в службу было поверстано 19 человек «литвы» и «черкас» [Каменецкий, 2005. С. 322; также: С. 115, 117, 215–217]. Помимо специальных подразделений, «иноземцы», в том числе «немцы», по-прежнему встречались и среди других категорий служилых людей. Судя по частоте упоминаний «немцев» в источниках и литературе, их общее число в Сибири к

³ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 55. Л. 11–14, 27–30, 33–34.

⁴ Там же. Стб. 61.

середине XVII в. вряд ли превышало два-три десятка человек.

В северо-восточных гарнизонах Сибири (Илимский и Якутский уезды) «европейский» элемент комплектовался отчасти за счет набора и перевода на службу служилых людей из «старых» городов, в основном из Енисейска и Тобольска, но в большей степени из ссыльных. По подсчетам Ф. Г. Сафронова, в указанных двух уездах ссыльные (из Европейской России и сибирских городов) среди поверстанных в службу в 1640–1650-х гг. составляли от трети до половины, а среди последних встречались поляки, «литва» и «черкасы» [Сафронов, 1967. С. 45–48, 75, 76, 78].

Особо крупные партии «европейцев» поступили в Сибирь во второй половине 1650-х – первой половине 1660-х гг.

Первая партия – это военнопленные и «государевы изменники» времен очередных войн России с Речью Посполитой (1654–1667 гг.) и Швецией (1656–1658 гг.). Основным источником об отправленных в Сибирь в это время «иноземцах» является «Дело о ссылке в Сибирь и возвращении оттуда военнопленных иноземцев, 1660–1664 гг.», хранящееся в РГАДА⁵ и уже давно введенное в научный оборот. Эта подборка документов содержит уникальную информацию о военнослужащих армии Речи Посполитой и украинских казаках, сосланных в Сибирь в 1654–1661 гг. Сбор информации начался после того, как в декабре 1661 г. польско-литовское правительство предложило России разменять пленных. В результате в сибирских городах, а затем в Сибирском приказе были составлены именные списки пленных (сосланных в Сибирь, прибывших к месту ссылки, отправленных в Москву для размена). Эти списки, в частности, сообщают территориальное и социальное происхождение ссыльных. Согласно окончательной «Росписи ссыльным польским и литовским и немецким и всяким людем... со 162-го году по 170-й год», поданной в Сибирский приказ 15 января 1662 г.⁶ [Белокуров, 1901. С. 51–73], в указанные годы, по нашим подсчетам, в служилые люди были поверстаны: в Тобольске – 88 человек, Тюмени – 5, Сургуте – 19, Таре – 33, Нарыме – 9, Томске – 66, Кузнецке – 19,

Мангазее – 16, Енисейске – 39, Красноярске – 29, Илимске – 22, Якутске – 58, всего 403 человека. Кроме того, в службу, возможно (судя по контексту), определили еще 46 человек, в том числе в Тобольске – 9, Сургуте – 2, Таре – 3, Томске – 13, Кузнецке – 3, Енисейске – 6, Красноярске – 3, Илимске – 3, Якутске – 4. Всего же в Сибирь, как подсчитал С. А. Белокуров, в 1654–1661 гг. было сослано 620 иностранцев мужского полка [Белокуров, 1901. С. 113], часть из них умерла, была зачислена в посад и крестьяне или посажена в тюрьму. Таким образом, подавляющее большинство ссыльных – не менее 65 % – было определено в службу, что вполне понятно, учитывая основной контингент пленных – военнопольско-литовской армии и украинские казаки. В «национальном» отношении это были преимущественно поляки и литовцы, а также русины, украинцы, белорусы, татары и «гайдуки» (среди последних, судя по именам и фамилиям, было несколько венгров). В немалом числе оказались и «немцы» (немцы, французы и шведы), таковых мы насчитали 47 человек.

Насколько данная «роспись» отражает реальное число ссыльных военнопленных в указанные годы, судить сложно. Возможно, в ней учтены не все. К тому же некоторые из них вместо одного гарнизона могли быть поверстаны в другой. По крайней мере, ряд документов из того же «Дела о ссылке в Сибирь...» сообщает несколько отличные сведения от «росписи»⁷ [Белокуров, 1901. С. 40–49]. Наконец, отправка пленных продолжалась и после 1661 г., но обобщенной информацией об их численности мы не располагаем. Наиболее изученные в этом отношении городские гарнизоны дают следующую картину: в Томске в 1662/63 г. насчитывалось 95 «иностранных», в том числе 4 грека (11,2 % гарнизона), в Енисейске в 1662 г. – 56 (11,1 %) [Соколовский, 2004. С. 96], в Кузнецке в начале 1660-х гг. – около 35 (15 %) [Резун, 1993. С. 39], в Илимске в те же годы – более 20, в Якутске – около 50 [Сафронов, 1967. С. 83–84]. В их числе были не только недавние пленные, но и старослужащие. Сколько «иностранных» в эти годы числилось в других сибирских гарнизонах, пока не выяснено. Равным образом остается неизвестным число пленных – во-

⁵ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 577.

⁶ Там же. Л. 102–154.

⁷ Там же. Л. 234–254.

еннослужащих шведской армии. В источниках о них вообще отсутствуют упоминания и это позволяет предположить, что их в Сибирь не отправляли.

Вторая крупная партия, поступившая в Сибирь, – это группа «немцев» – офицеров и рядовых, направленных в качестве инструкторов для организации солдатского и рейтарского полков, которые должны были дислоцироваться в Тобольском, Томском, Тарском и Тюменском уездах. Всего в 1659–1667 гг. из европейской части страны прибыло 66 человек (а с учетом, возможно, принявших православие – 69). Кроме того, в инструкторы к 1661 г. зачислили 6 ссыльных «немцев». Судя по фамилиям, эта партия была представлена немцами, голландцами и датчанами [Зуев, 1998; Дмитриев, 2008. С. 64–68].

Начавшийся с 1662 г. размен пленными с Речью Посполитой, заключение с ней Андрусовского перемирия в 1667 г. и упразднение в 1668 г. солдатского и рейтарского полков в Западной Сибири привели к массовому «исходу» «европейцев» из Сибири. «Немецкие» инструкторы выехали почти все [Дмитриев, 2008. С. 72]. Польско-литовские «вязыни» также в большинстве своем вернулись на родину, хотя около сотни из них предпочли службу «великому государю» и были определены в разные сибирские гарнизоны [Александров, Покровский, 1991. С. 85].

В последней трети XVII в. Россия не вела крупных войн на западе, соответственно отсутствовали и пленные, которых можно было бы сослать в Сибирь. Ссылка же малочисленных групп «черкасов», обвиненных в «измене», и «воровских» вольных казаков была уже эпизодической и не могла существенно повлиять на этнический состав сибирских служилых людей. В результате в данное время численность «иноземцев» «западного» происхождения в гарнизонах Сибири заметно сокращается. Отдельные «немцы», присылаемые сюда, как правило, временно в качестве командиров-инструкторов для обучения служилых людей регулярному строю, картины не меняли.

В городах Тобольского разряда «литовский» и «черкасский» списки к 1699 г. сохранялись в Тобольске, Тюмени и Таре, в них насчитывалось 556 казаков (11,2 % служилых людей данного разряда) [Никитин, 1988. С. 33, 170], но их большинство

уже были русскими или обрусевшими потомками «иноземцев». В 1689/90 г. «иноземный» список из 14 «поляков» и «литвы» (9,3 % гарнизона) присутствовал в Верхотурье⁸, однако в последующем он исчез. К концу XVII в., как утверждает Н. И. Никитин, «термин “литва”... уже почти не употребляется для обозначения служилых... это, безусловно, отражает процесс постепенной ассимиляции и обрусения служилых “иноземцев”» [Там же. С. 41]. К началу 1720-х гг. «литовский список» (72 человека) остался только в Тюмени⁹.

В Томске в 1680 г. числилось 87 служилых «иностранныго» происхождения (в том числе 4 – среди отставных) (10,6 % гарнизона). Но собственно «иностранцами» из них являлись 50 человек, у остальных таковыми были их отцы и деды. Среди собственно «иностранцев» уроженцев «польской земли» и выходцев «из Польши» (надо полагать, из Речи Посполитой) было 39 человек, греков – 6, крымских татар – 2, неизвестной «породы» – 3. Среди потомков «иноземцев» обнаружилось: польско-литовского происхождения – 22 человека, «черкасского» – 4, «немецкого» – 3 (в том числе один – «немчин галанской земли»), «турской породы» (турок) – 1, неизвестной «породы» – 7¹⁰. К 1705 г. в «литовском» списке в Томске осталось 15 человек, к 1724 г. томская «шляхта дети боярские» насчитывала 28 человек, а «иноземного списка» казаки – 12 [Емельянов, 1982. С. 38], но все они уже были потомками «настоящих» «иноземцев».

И. П. Каменецкий опубликовал «список разборный» кузнецких служилых людей 1681 г. В ходе «разбора» было опрошено 158 человек (из 223 служилых), которые

⁸ НА ТГИАМЗ. КП 12844. № 30765. Л. 7 об. – 8.

⁹ РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 25. Л. 16.

¹⁰ Мы использовали подсчеты И. Р. Соколовского, который проанализировал «разборную книгу» служилых людей Томска за 1680 г. Правда, его подсчеты противоречивы. Он указывает, что в этом году в Томске насчитывалось 95 служилых и 4 отставных «иностранныго происхождения». Все они были опрошены властями по поводу их «породы». Однако, приводя конкретные данные о происхождении служилых, в одном месте он называет 72, в другом – 87 человек [Соколовский, 2004. С. 91–93], в третьем – 91 [Соколовский, 2000. С. 16]. Цифра в 87 человек нам представляется наиболее убедительной, поскольку она основана на личных показаниях служилых людей. См. также: [Емельянов, 1982. С. 37; Курилов, Люцидарская, 1986. С. 30].

сообщили свое происхождение. Выяснилось, что среди них 6 человек являлись «поляками» и «литвой» и 28 имели «иностранные» корни по отцам и дедам, в том числе: польско-литовское происхождение – 3, «черкасской породы» – 21 (среди них из «запорожских черкас» – 4), «крымской породы» – 3, «немецкой породы» – один. Этот «немец» – Ивашка Фликов – указал, что его дед и отец выехали «из Вифлеенские земли» (см.: [Каменецкий, 2005. С. 279–320])¹¹. Под последней, видимо, скрывается известный город Вифлеем в Израиле.

В Енисейске в 1669 г. насчитывалось не более двух десятков «литовских и польских людей», в 1677 и 1681/82 гг. – 15 «иностранцев» (3 % гарнизона). В Красноярске после размена пленных осталось 22 служилых «иноземца» (в том числе в 1666–1670 гг. – один «турчанин»), в 1671/72 г. их было 18 (4,3 %; в том числе один «немец»), в 1687/88 г. – 22 (3,5 %). Здесь же продолжала существовать особым списком «черкасская полусотня» (в 1671 г. – 27 человек), в которой, правда, собственно «черкас» уже почти не осталось [Бахрушин, 1959. С. 70, 94, 215–230; Александров, 1964. С. 103, 105; Соколовский, 2004. С. 95, 96, 97]. 16 человек «поляков», «черкас», «немчин» и «гречанин» отмечены среди служилых людей Новой Мангазеи (Туруханска) в 1688 г. [Александров, 1964. С. 60]¹². В начале 1720-х гг. здесь еще фиксировались «польский» (6 человек) и «черкасский» (3 человека) списки¹³.

В Восточной Сибири «европейцы», преимущественно «литва» и «черкасы», в последней трети XVII в. в заметном количестве встречались в Илимском и Якутском гарнизонах. В Илимске после размена пленных осталось служить не менее 6 человек [Сафронов, 1967. С. 83–84]. В окладной книге Якутска за 1706 г. отмечены 16 «польско-литовских» и «черкасских» фамилий и одна «немецкая» (Фонемин – фон Эмин?)¹⁴. Помимо них известны еще 10 фамилий ссыльных «иноземцев», зачисленных

в службу в 1668–1693 гг. [Сафронов, 1967. С. 85, 92–93; Якутия..., 1953. С. 331]. Это позволяет утверждать, что в 1670–1680-х гг. здесь служило не менее 27 «иноземцев», а с учетом «русифицированных» и «неофитских» фамилий – еще больше.

В Прибайкалье и Забайкалье, подчинение которых русской власти шло во второй половине XVII в., «европейцев» в местных гарнизонах (Иркутского и Нерчинского уездов) почти не было. В единичном числе они попадали сюда в качестве «годовальщиков» или «переведенцев» из других гарнизонов. Ссылка же «иноземцев» в эти районы почти не практиковалась, по крайней мере в сколько-нибудь заметных масштабах. Да и в целом, в отличие от прочих сибирских уездов, в Иркутском и Нерчинском уездах ссыльных верстали в служилые люди очень редко [Леонтьева, 1968. С. 40, 45, 51; 1972. С. 41, 42, 56, 87]. Просмотренные нами именные книги служилых людей Иркутска, Селенгинска, Удинска, Баргузинска, Нерчинска последней трети XVII – первой четверти XVIII в., а также оставшихся в живых албазинских казаков (после обороны Албазинского острога от манчжуров в 1686–1687 гг.) фиксируют несколько десятков человек с «польско-литовскими», «черкасскими», «немецкими» фамилиями (например, Кирюшка Деревьяс, Левка Немчинов, Андрей Вайсов, Левка Дюков, Василий Анцын). В Нерчинске в 1725 г. в детях боярских служил Семен Грек¹⁵. Но мы не располагаем данными об их «национальности», поэтому не можем судить, были они «настоящими» «иноземцами» или же их потомками.

Единственный и кратковременный наплыв «иностранцев» в Забайкалье случился в 1686 г., когда туда для укрепления обороны и военной поддержки дипломатической миссии Ф. А. Головина из Москвы и сибирских городов было направлено около 2 тыс. служилых людей, из которых составили два полка [Александров, 1984. С. 155]. «Книга раздаточная денежного жалованья» этих полков за 1687–1689 гг. зафиксировала сре-

¹¹ Наши подсчеты незначительно расходятся с подсчетами, сделанными И. П. Каменецким [Каменецкий, 2005. С. 324]. Ср.: [Резун, 1993. С. 39].

¹² Статус уездного города вместе с гарнизоном из Мангазеи перешел к Туруханскому зимовью в 1668 г. [Александров, 1964. С. 31].

¹³ РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 25. Л. 25.

¹⁴ Там же. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1449. Л. 196–227.

¹⁵ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 941; Кн. 583. Л. 210 – 240 об.; Кн. 1449. Л. 48 об. – 65 об.; Кн. 1488. Л. 8 об. – 98; Кн. 1631. Л. 35–52; Оп. 3. Стб. 1061. Ч. 1–3; ГАЧО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 3. Л. 118; Д. 13. Л. 49 об. – 63 об.; Сибирские города. Материалы для их истории XVII и XVIII столетий. Нерчинск, Селенгинск, Якутск. М., 1886. С. 1–11, 19–22.

ди командного состава 13 «немцев» (судя по фамилиям, в основном немцев и скандинавов) [Rezun, Zuev, 1996. S. 66], а среди служилых людей – 338 человек «литвы» и рейтар. Но в числе последних насчитывалось чуть более 20 человек, имевших «иностранные» фамилии¹⁶. Учитывая, что «литва» и рейтары (из казаков) были в основном набраны в Тобольске и Тюмени, можно предположить, что многие из них уже являлись потомками «европейских иноземцев». В 1689 г. после заключения Нерчинского договора с Китаем почти все «присыльные» служилые люди вернулись в те гарнизоны, откуда были взяты.

Участие представителей нерусских поморо-поволжско-уральских народов в присоединении Сибири также известно с конца XVI в. Об их верстании в сибирскую службу сообщают упоминавшиеся выше царские указы данного времени. В частности, в 1594 г. на строительство Тары было послано несколько сотен казанских и свияжских татар, «башкирцев», «зырянцев» и «пермич». Правда, все они затем вернулись домой [Катанаев, 1908. С. 66–67]. В 1605 г. в Сургуте для службы в Томске набирали зырян¹⁷. В последующее время наиболее значительный приток в служилую среду дали выходцы из Поморья. В основном это были русские, но, надо полагать, в немалом числе встречался и нерусский элемент: пермяки, зыряне, коми. Они при переселении в Сибирь могли сразу поверстаться в служилые люди, но чаще попадали в службу, особенно в Восточной Сибири, из категории промышленных и гулящих людей. Поскольку все они были крещеными и заметно обрусевшими, то вычленив их в составе гарнизонов почти невозможно, так как в документах того времени собственно «национальность» указывалась крайней редко: власти, интересуясь происхождением человека, выясняли прежде всего социальный статус и место выхода. В результате, например, коми отмечались как ижемцы, сысоличи, вымичи, лузяне, вилежане [Александров, 1964. С. 150], т. е. по прежнему месту жительства. Однако достаточно часто встречающиеся по всей Сибири казачьи прозвища и фамилии «Пермяк / Пермяковы», «Зырян / Зыряновы» го-

ворят о том, что пермяки, коми и зыряне были не редкостью среди служилых людей. В частности, в Сургуте в 1625/26 г. отмечено 9 казаков, имевших прозвища «Вымитин», один – «Пермитин» и один – «Сысолятин»¹⁸. Показателен и следующий факт: в 1647 г. «литва» и «черкасы» Тары высказывали недовольство тем, что в их «иноземческий список» на «умершие места становавца новоприборные люди, пермяки и зыряне...» [Никитин, 1988. С. 40]. По подсчетам С. В. Бахрушина, среди красноярских казаков в 1666–1670 гг. значилось 10 «зырян» и один «вилежанин» [Бахрушин, 1959. С. 94]. Из народов Поволжья в единичном числе в составе гарнизонов очень редко упоминаются черемисы.

С конца XVI в. к службе «великому государю» стали привлекаться и сибирские «иноземцы». Это привлечение осуществлялось в трех вариантах.

Во-первых, в качестве вспомогательных отрядов, когда союзные «иноземцы» участвовали в военных мероприятиях русских властей. В этом отношении особо активно проявили себя кодские ханты («служилые остяки»), красноярские «подгородные» канские, качинские и аринские «татары», забайкальские буряты и эвенки, отчасти отдельные якутские роды. Но военная служба не освобождала их от уплаты ясака, она была эпизодической и не оплачивалась вовсе или вознаграждалась подарками и трофеями. В целом статус таких «федератов» не менялся: они оставались ясачными людьми.

Во-вторых, формирование из аборигенов отдельных подразделений в составе русских гарнизонов. Первые такие подразделения, укомплектованные военно-служилой знатью бывшего Сибирского ханства (беками, мурзами, «князцами» и др.) – так называемые юртовские служилые татары – появились в Тобольске, Тюмени и Таре в 1590-е гг. Они принимали в 1598 г. участие в окончательном разгроме Кучума, их представители были в составе упоминавшегося конвоя кучумовых «царевичей и цариц» в Москву. Численность юртовских татар в XVII в. оставалась почти неизменной: в 1626/27 г. их было в Тобольске – 259 человек (36,1 % гарнизона), Тюмени – 73 (22,3 %), Таре – 57

¹⁶ См.: РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 290.

¹⁷ Верхотурские грамоты конца XVI – начала XVII в. М., 1982. С. 167.

¹⁸ Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири. С. 197–203.

(13,5 %), всего – 389; в 1699 г., соответственно, 256 (11,9 %), 108 (11,4 %) и 65 (9,0 %), всего – 429 [Никитин, 1988. С. 32, 33]. Они несли службу наравне с русскими казаками, получали небольшое денежное жалованье, а некоторые – и хлебное, сохраняли свои земельные владения и были свободны от уплаты ясака. Статус, материальное положение и функции юртовских татар обстоятельно рассмотрены в исследованиях С. В. Бахрушина [1955б. С. 153–175] и З. А. Тычинских [2007а], которые показали, что в течение XVII в. служилые татары уравниваются в правах с русскими служилыми людьми. Но при этом им было разрешено сохранять свое вероисповедание – ислам. А их организационная обособленность подчеркивалась наличием «своего» начальства – татарских голов. Правда, таковыми до конца XVII в. являлись преимущественно русские, «литва» и «черкасы» (см.: [Бахрушин, 1955б. С. 164; Никитин, 2001. С. 63, 65; Тычинских, 2007б]). Отметим также, что в подразделения служилых татар изредка зачислялись выходцы из Средней Азии: бухарцы, «сарты» (узбеки), «табынцы», калмыки [Бахрушин, 1955б. С. 165].

В начале XVII в. «татарский список» появился в Томске. Первоначально в него вошли татары-еуштинцы, затем он пополнился «чацкими мурзами» (чатами) и «белыми калмыками» (телеутами) [Уманский, 1980. С. 189]. С 1662 г. такой же «список» оформился в Кузнецком гарнизоне – из «подгородных юртовских татар» [Каменецкий, 2005. С. 119, 125] – представителей разных родов тюркоязычных алтайцев. В Красноярске первый набор «подгородных татар»-аринцев (50 человек) состоялся в 1635 г., но вскоре большинство их было отставлено со службы (в связи с «изменой» части «подгородных татар»). Во второй половине XVII в. набор возобновился [Бахрушин, 1959. С. 65–68]. В указанных трех городах возникновение «татарских списков» связано с верстанием в службу представителей родовой знати – князцов, однако достаточно быстро в эти «списки» стали зачислять «черных» улусных людей, как правило, за особые заслуги перед русской властью. Но при этом общая численность служилых чатов, телеутов, аринцев, качинцев и прочих «татар» была незначительной: в Томске в 1627 г. – 120, в 1699 г. – 82 [Уманский, 1980. С. 189, 197], в Кузнецке в 1673 г. – 29, в

1680 г. – 21, 1705–1710 гг. – 20 [Каменецкий, 2005. С. 119], в Красноярске в 1680 г. – 14, в 1685 г. – 12, в 1689 г. – 18, в 1699 г. – 28 [Бахрушин, 1959. С. 65–68]. В связи с малой численностью они не имели собственных татарских голов, но в остальном их положение было схоже с западно-сибирскими служилыми татарами (жалованье, свобода от ясака, обложения, закрепление земельных наделов).

В целом в конце XVII в. служилые татары составляли в Сибири около 550 человек. К началу 1720-х гг. они как особые подразделения исчезли в Красноярске, в гарнизонах Западной Сибири их осталось 452 человека, в том числе в Тобольске – 228, в Тюмени – 104, в Таре – 21, в Томске 79, Кузнецке – 20¹⁹.

Последний «иноземный список» из аборигенов появился в Забайкалье в Нерчинском гарнизоне, где в течение 1694–1714 гг. в казаки было поверстано 20 тунгусов (эвенков) «Гантимурова рода», что привело к оформлению в 1718 г. особого подразделения [Леонтьева, 1968. С. 59]. В Нерчинской окладной книге 1725 г. в этом «списке» значилось 7 тунгусов и один «мунгальской перебежчик»²⁰.

Особо отметим, что подразделения служилых сибирских «иноземцев» были замкнуты: в отличие от прочих «иноземных» списков – «литвы», «черкасов», «новокрещенных» – они не разбавлялись иноэтничными элементами и состояли исключительно из аборигенов. В первую очередь это было связано с тем, что «татарские» и «тунгусские» казаки оставались некрещеными – мусульманами или язычниками.

Третий вариант – зачисление в служилые люди отдельных представителей родоплеменной верхушки и рядовых улусных людей, крестившихся в православие. Данный вариант в течение всего XVII в. являлся одним из источников комплектования сибирских гарнизонов. Но, как указывалось выше, практика присвоения новокрещеным русских имен и фамилий не дает возможность выявить в полной мере удельный вес этого «иноземческого» элемента в составе сибирских служилых людей. К тому же надо иметь в виду, что новокрещеными называли

¹⁹ РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 25. Л. 15 об., 16 об., 20–21, 24, 25 об.

²⁰ ГАЧО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 13. Л. 64–194.

всех принявших православие «иноземцев»: не только сибирских аборигенов, но и «европейцев» и прочих. Крещеные «иноземцы» во всех отношениях (материальном, правовом и т. д.) не отличались от «русских» (православных) служилых и быстро растворялись среди них. И они сами, и сослуживцы, и власть однозначно идентифицировала их, а тем более их детей как русских.

Новокрещены из сибирских аборигенов присутствовали во всех сибирских гарнизонах, но в разной пропорции. В XVII в. больше всего их было в Тобольске, где существовала отдельная «станция» новокрещеных, имевшая как особое подразделение своего атамана: в 1626/27 г. – 31, в 1630 г. – 30, в 1650 – 26, в 1663 г. – 19, в 1699 г. – 48 человек. Ее основу составляли крестившиеся татары, но были там и принявшие православие «литвины», «немцы» и представители других народов. К концу XVII в. она в значительной степени обрусела [Никитин, 1988. С. 41, 168]. Помимо этой «станции» новокрещены присутствовали и в других подразделениях тобольского гарнизона: в 1696 г., например, в «литовском списке», казаках и стрельцах были 7 «калмыков» и один «новокрещен»²¹.

В прочих гарнизонах Тобольского разряда новокрещеных как таковых насчитывалось единицы (см.: [Никитин, 1988. С. 27, 32, 33, 41, 42, 157–158]. Аналогичной была ситуация и в более восточных гарнизонах (Томске, Кузнецке, Енисейске, Илимске, Иркутске и др.) (см.: [Бахрушин, 1959. С. 65, 98; Каменецкий, 2005. С. 119, 125; Леонтьева, 1972. С. 74, 84; Сафронов, 1967. С. 47–48]). На этом фоне к концу XVII в. выделялись Якутск и забайкальские остроги, где число новокрещеных было заметно.

По известным данным, первые два аборигена-новокрещена в якутском гарнизоне появились к 1653 г. [Сафронов, 1967. С. 45–47], затем еще 3 – в 1675–1676 гг.²² В 1681 г. их насчитывалось уже 26 человек (6 % гарнизона). Возможно, среди них были не только якуты, но и представители других местных народов – юкагири и тунгусы. В 1682 г. среди казаков-новокрещеных от-

мечен даже Игнашка «чюхча» [Якутия..., 1953. С. 313, 404–405]. В 1701 г. в числе казаков было 23, в 1706 г. – 15 (1,6 %), в 1721 г. – 29 новокрещеных (2,0 %). Это не считая тех крестившихся якутских князцов, которые верстались в дети боярские [Иванов, 1991. С. 41; 1992. С. 147]²³.

В середине XVII в., уже при первом нерчинском воеводе А. Пашкове в нерчинские казаки были приняты первые два новокрещеных тунгуса. По сведениям за 1670, 1671, 1673–1676, 1679 гг. среди поверстанных оказался всего один новокрещен. Зато в 1694–1714 гг. таковых было уже 11 человек [Леонтьева, 1972. С. 40, 46–47, 75]. В 1699 г. в нерчинском гарнизоне числились один «калмак», один «мунгал» и 6 новокрещеных (1,9 %)²⁴, в 1707 г. – 4 новокрещеных (0,8 %)²⁵. В казаки Удинского острога в 1706–1717 г. было поверстано 8 новокрещеных²⁶, Селенгинского острога в 1681–1683 гг. – один, в 1702–1717 гг. – 24 [Леонтьева, 1972. С. 54, 76]. Казаки-новокрещены в Забайкалье – это в основном «братские», «мунгалы» и тунгусы (эвенки).

Статистика новокрещеных далеко не отражает реальное число аборигенов в составе служилых людей. Об этом свидетельствуют часто встречающиеся казачьи фамилии и прозвища, имеющие явно этническую «окраску» или местное сибирское «иноземческое» происхождение. К первым относятся такие прозвища-фамилии, как Колмак / Калмак / Колмаков / Калмаков, Татаринов, Турчанинов, Кыргыз / Кыргызов (по всей Сибири), Мунгал / Мунгалов / Мунгалетин (Забайкалье, Якутия) и изредка – Башкир, Черемисин. Ко вторым – Ясырь / Ясырев, Тарханов, Токмаков / Такмаков, Тайшин, Кыштым, Уразов, Таргаутов, Бакшиев, Башлыков, Шайдуров, Торой, Кусундаев, Сартаков, Хадаров, Саламатов, Байдай / Байдан, Аранза, Кызыл / Кызылов, Кураев и др. Вряд ли носители таких фамилий-прозвищ были русскими, хотя это и нельзя полностью исключать (так, Ясырем, или Кыргызом, мог оказаться русский, бежавший из плена). Но для XVII в. «этнические» фами-

²¹ Тобольск. Материалы для истории города... С. 48, 49, 51, 54, 55, 56, 57.

²² Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1857. Т. 6. С. 402

²³ По якутской окладной книге 1706 г. мы насчитали 13 новокрещеных (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1449. Л. 196–227).

²⁴ Сибирские города. Материалы для их истории XVII и XVIII столетий... С. 8, 9

²⁵ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1631. Л. 35–52.

²⁶ Там же. Кн. 1624. Л. 27–40.

лии-прозвища все же скорее отражали, по крайней мере в первом поколении, принадлежность к соответствующему «этносу». И если принять во внимание это обстоятельство, тогда окажется, что сибирских «иноземцев» среди служилых людей было на порядок больше, нежели официально новокрещеных. Покажем это на примере личного состава якутского гарнизона по данным окладной книги 1706 г.²⁷ В ней мы насчитали 13 казаков, чьи фамилии имеют приписку «новокрещен». Но помимо них еще 20 человек обладали прозвищами-фамилиями с «иноземческим» «привкусом»: Петр и Федор Остяки, Колмак, Мунгал, Тордуя, Кулуктай, Нюгут, Енок, Тайшин, Кыргызов, Семен и Яков Мунгалетины, Баданин, Тияушин, Федор и Иван Калмаковы, Мыкыс, Зойма, Кухага, Тыгунов.

Кроме того, надо принимать в расчет толмачей. Не все они находились на официальной службе, не все были «иноземцами». Однако знание языков сибирских народов наводит на мысль, что среди них все же преобладали крестившиеся аборигены и представители поморо-уральских народов. Последние, постоянно вращаясь в полиэтничной среде, видимо, обладали способностью к быстрому овладению разными «аборигенными» языками. Так, сведения о составе 30 толмачей, отмеченных в Якутске в 1641 г., показывают, что среди них было 6 новокрещеных, 3 – с «иноземческими» прозвищами (Шалам, Текво, Камясин), 2 – явных помора (Дмитрий Пустозерц и Федор Степанов Пермьяк). Остальные имели «русские» фамилии-прозвища, но их носители вполне могли быть теми же поморами. По крайней мере, как знающий якутский язык фигурирует Дмитрий Ерилов. Возможно, это известный землепроходец Дмитрий Ярило Зырян. Зафиксированы также Денис Ерилов (брат Дмитрия?) [Иванов, 1999. С. 55, 91]. К службе толмачами привлекали также аманатов, принимавших крещение. Это обеспечивало установление языкового контакта землепроходцев с местными народами. В частности, захваченный в аманаты в 1643 г. на Колыме «чухча» в 1650-х гг. был крещен в Афанасия Якимова Федорова и стал толмачем [Зуев, 2002. С. 176].

В южных районах Сибири, где требовалось знание тюрко-монгольских языков,

толмачами выступали «татары», кыргызы и монголы. В XVII в. среди томских толмачей был замечен своей активной позицией в жизни города Василий Канаев. Есть основание полагать, что род Канаевых происходил от сына Кучума – царевича Каная [Миллер, 2000. С. 32; Уманский, 1980. С. 71]. В начале XVIII в. в Томске на переговорах с кыргызами толмачил татарин Гурбан Ишметев, которого в 1707 г. велено было поверстать в казаки²⁸. В Красноярске в середине XVII в. обязанности толмачей выполняли кыргызы Иван Айкан и «бохтинец» Василий Емельянов [Бахрушин, 1959. С. 98]. В Забайкалье в Селенгинском остроге в конце XVII – начале XVIII в. служили толмачами Гурко Уразов и Петр Кыргыз²⁹. Среди выживших во время обороны Албазинского острога был толмач Андрей Мунгал³⁰.

Обратим также внимание на то, что в ассортименте «иноземческих» фамилий явно господствуют тюрко-монгольские по происхождению. Это наводит на мысль, что среди служилых аборигенов преобладали представители тюрко-монгольских народов. Объяснение данного факта кроется, видимо, в многовековом опыте общения русских с воинственными кочевниками – тюрками и монголами. Именно в них русская сторона видела достойных воинов, которых можно брать на службу. Этот статус был распространен и на забайкальских «конных» тунгусов. Прочие же народы Северной Азии не являлись кочевниками-коневодами и поэтому не воспринимались как «настоящие» воины и редко верстались в служилые люди. Об этом убедительно говорит почти полное отсутствие у сибирских казаков фамилий-прозвищ, которые можно было бы связать с уграми, самодийцами, тунгусами и другими народами, не имеющими коней. Среди весьма большого количества известных по источникам и литературе служилых людей удалось обнаружить только одного «Тунгуса» (Мишка Афанасьев Тунгус, Селенгинск, 1682 г.³¹), трех «Остяков» (Петр и Федор Остяки, Якутск, 1706 г.³²; Ивашко Яковлев Остяков, Тара, 1701 г. [Никитин, 1988. С. 40]) и одного «Вогула» (Васька Вогулков,

²⁸ Там же. Оп. 5. Д. 1238. Л. 51–55.

²⁹ Там же. Оп. 4. Стб. 144. Л. 1, 172, 185, 249, 260–264, 270.

³⁰ Там же. Оп. 3. Стб. 1061. Ч. 2. Л. 130.

³¹ Там же. Оп. 1. Кн. 768. Л. 277.

³² Там же. Кн. 1449. Л. 204, 222 об.

²⁷ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1449. Л. 196–227.

Красноярск, 1628 г. [Быконя, 2008. С. 88, 98]).

Особое внимание русские власти уделяли зачислению на службу представителей местных потестарных элит, используя уже имевшийся опыт кооптации татарской знати в состав служилого сословия Московского государства. Выше говорилось, что военно-служилая верхушка Сибирского ханства в значительном числе оказалась на русской службе. Но массовые верстания «знати» ограничились сибирскими «татарами». В отношении других сибирских народов Москва проявляла избирательный подход и ставила на государственное довольствие лишь тех, кто, с ее точки зрения, мог принести весомую пользу интересам «великого государя». Такими «избранными» становились, как правило, наиболее авторитетные и влиятельные «родоплеменные» вожди, с которыми лучше было дружить, нежели воевать. Первыми среди них в конце XVI – начале XVII в. стали некоторые из хантыйских (остяцких) и мансийских (вогульских) князей. Их статус в политической иерархии Московского государства и взаимоотношения с русской властью наиболее обстоятельно описаны С. В. Бахрушиным. Из этого описания вырисовываются два варианта службы.

Первый, упоминавшийся выше, условно можно назвать вассально-союзным, когда ряд князей вместе со своими воинами несли военную службу и определенные повинности взамен права владеть родовыми землями, которыми их «пожаловал» «великий государь». Из них только кодские князья Алачевы получали из казны средства на содержание своего войска: деньги (до 1610-х гг.) и хлеб (до 1643 г.) [Бахрушин, 1955б. С. 115–125, 133–137, 137–138, 142] (см. также: [Перевалова, 2004. С. 36–59]). В Восточной Сибири в схожем положении оказались глава конных тунгусов князь Гантимур (с 1667 г.) и ряд монгольских тайшей (Цонголова, Сартолова, Табангутского, Хатагинова, Атаганова и Подгородного родов), принявших в 1689 г. российское подданство [Самбуева, 2003. С. 26–34].

Второй, когда отдельные представители княжеских семей напрямую зачислялись в служилые люди. В 1618 и 1624 гг. в Пелыме в детях боярских числились потомки мансийских пелымских и кондинских князей – князья Василий и Федор Кондинские, князь

Андрей Александрович Пелымский. О дальнейшей судьбе князей Кондинских мы не располагаем сведениями, а князья Пелымские – Семен Андреевич, Петр, Степан и Яков Семеновичи – служили детьми боярскими в Пелыме, затем в Верхотурье. В конце XVII в. князья Иван и Василий Яковлевичи были определены в сибирские дворяне³³ [Бахрушин, 1955б. С. 145]. После ликвидации в 1643 г. хантыйского Кодского княжества в служилые люди были поверстаны князь Петр Микифорович Алачев (Тобольск) и князь Садар Чумеев Алачев (Березов) [Бахрушин, 1955б. С. 133; Перевалова, 2004. С. 49]. В 1696 и 1710 гг. в списке тобольских детей боярских отмечен князь Василий Петрович Алачев³⁴.

Следующим представителем местной элиты, зачисленным на русскую службу, стал родственник известного кыргызского князя Ереняка – Айкан, ребенком, видимо, попавший в плен, крещеный в Ивана Архиповича и вывезенный красноярским воеводой А. Акинфиевым в Москву. После смерти последнего Айкан попросился на службу в Красноярск, где сперва был толмачем, затем поверстан в дети боярские. Его дети Федор, Степан и внуки Семен и Матвей Айкановы продолжали служить в Красноярске в детях боярских в последней трети XVII – начале XVIII в. [Бахрушин, 1955б. С. 185–186; 1959. С. 52, 99, 110, 157].

Сразу в чины детей боярских верстались якутские тойоны, пожелавшие принять крещение. Первым стал Кисикей Сахалтин, крещеный в 1677 г. в Москве в Леонтия Львова, затем в 1679–1680 г. – новокрещеные Иван Румянцев и Иван Семенов (Тюсней Быркинин). По подсчетам В. Ф. Иванова, в начале XVIII в. в Якутске было около десятка детей боярских из числа новокрещеных тойонов. В 1709 г. якутский тойон Федор Матвеевич Отконов первым был пожалован в дворяне «по московскому списку» с поименованием его князем [Иванов, 1991. С. 42; 1992. С. 148, 149]³⁵.

Наиболее известной сибирской княжеской фамилией, чьи представители более двух веков несли службу русскому царю, были Гантимуровы. Основателем династии

³³ НА ТГИАМЗ. КП 12844. № 30765. Л. 5.

³⁴ РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 2251. Л. 347; Тобольск. Материалы для истории города... С. 46.

³⁵ См. также: РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 1796. Л. 1–3.

явился Гантимур (Ган-Тимур) – предводитель эвенкийского Дуликагирского рода (конных тунгусов), кочевавших в Забайкалье между реками Шилка и Аргунь. Ему подчинялись также эвенки Нелюдского и Почегорского родов, сартулы и часть дауров верхнего течения Амура. В начале 1650-х гг. Гантимур принял российское подданство, но в 1656 г. перекочевал в междуречье Аргуни и Нонни (Науна), приняв китайское (маньчжурское) подданство. От китайских (цинских) властей он получил чин цзолина (четвертый по значимости в маньчжурских войсках). Однако в 1667 г., не желая участвовать на стороне маньчжуров в войне с Россией, вернулся в Забайкалье, приведя с собой более 500 воинов. В 1684 г. Гантимур и его сын Катанай (Катан) приняли в Нерчинске православие. Гантимуру было дано имя Петр, Катанай – Павел. Оба, а также сын Катаная – Чекулай были отправлены в Москву. По дороге Гантимур скончался. Катанай и Чекулай в 1685 г. с почетом были приняты русским правительством. Катанай был записан в дворяне по московскому списку и получил право титуловаться князем. Чекулай (в крещении Василий) остался в Москве, а Катанай вернулся в Забайкалье. Его сыновья, Ларион и Лазарь, в начале XVIII в. сохраняли за собой титул князей, звание дворян по московскому списку и даже были пожалованы в стольники. В дальнейшем «служилые» князья Гантимуровы числились дворянами в штате нерчинского гарнизона, затем офицерами в Забайкальском городском казачьем полку и Забайкальском казачьем войске³⁶ [Артемьев, 1994].

Принятые на русскую службу и «государево» жалованье представители аборигенной элиты быстро русифицировались и служили верно. Пожалуй, единственный пример их «измены» – это бегство двух новокрещеных иркутских детей боярских Петра Тайшина и Василия Степанова. Петр Тайшин был «подданным» монгольского тайши Мергень Ахая, который в 1689 г. вышел из Монголии и дал шерть (присягу) «великому государю»³⁷. Скорее всего, он

был не просто «подданным», а ближайшим родственником Мергенья, о чем говорит его «фамилия», а также то, что он был послан Мергеньем в Москву, где крестился и был определен на службу по «новокрещеному списку» в Селенгинск. О происхождении Василия Степанова данных нет. Видимо, в начале 1690-х гг. Петр и Василий были произведены в дети боярские³⁸. В 1695 г. они «бежали из под Иркутска из улусов... с женами, детьми и людьми... (всего около 40 человек. – А. З., А. Л.) и отогнали конный табун». Посланная погоня отбила часть табуна и перебила многих беглецов, однако Петру и Василию удалось уйти. В 1696/97 г. селенгинский толмач Г. Уразов видел Василия в улусе тайши Мергень Ахая³⁹. Что стало с «изменниками» далее, не известно. Но любопытно то, что в 1706 г. в Иркутске проживал отставной сын боярский Василий Тайшин, которого царским указом вновь зачислили в службу⁴⁰. Если предположить, что это Василий Степанов, вернувшийся из бегов, то, возможно, и последний был родичем Мергенья.

Обобщая вышеизложенное, можно говорить, что сибирское казачество в этническом отношении было весьма неоднородным. Без сомнения, основную его массу составляли русские, среди которых в значительном числе были выходцы из Поморья. Однако и нерусский элемент вполне очевиден. Можно уверенно говорить о весьма заметном удельном весе «иноземцев», как выходцев с Запада, так и с Востока (сибирских татар) в составе первых русских гарнизонов Сибири в конце XVI – первой трети XVII в. По подсчетам тобольских властей, в 1633 г. в Тобольске было «служивых русских людей и иноземцев 892 человека», в том числе «литвы и поляков и черкас и немец... и литвы же тобольских уроженцов и новокрещеных татар 140 человек»⁴¹. Прибавив к этому порядка 250 юртовских татар, получается, что все «иноземцы» составляли не менее трети тобольского гарнизона. В других городах их удельный вес был меньше.

³⁶ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 782. Л. 77, 155; Кн. 1621. Л. 3 об.– 52; Оп. 5. Д. 1213. Л. 2 – 2 об.; Д. 1238. Л. 65; Ф. 1121. Оп. 1. Д. 70; ГАЧО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 13. Л. 49–194.

³⁷ Русско-китайские отношения в XVII в.: Материалы и документы. М., 1972. Т. 2. С. 438

³⁸ По сведениям Г. А. Леонтьевой, в 1690–1693, 1696, 1699 гг. в иркутские дети боярские были зачислены два новокрещеных [Леонтьева, 1972. С. 84].

³⁹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 4. Стб. 144. Л. 6–7, 177–178, 182.

⁴⁰ Там же. Оп. 5. Д. 973. Л. 3 об.

⁴¹ Тобольск. Материалы для истории города... С. 27

В дальнейшем особо крупные партии «иноземцев-западников» поступили в 1630-х и 1650–1660-х гг., рассеявшись по многим сибирским гарнизонам. Правда, в остальные годы их общее число в каждый конкретный момент вряд ли превышало пару сотен человек, даже в крупных гарнизонах (Тобольска, Тюмени, Томска, Енисейска, Красноярска, Якутска) они составляли всего несколько процентов. В своей основной массе это были уроженцы Речи Посполитой – поляки, литовцы, «черкасы» (украинцы), а также русины и белорусы. Число «немцев» – выходцев из разных стран Европы (в том числе и из Речи Посполитой) было незначительно, а представители других «западных» народов (венгры, греки, турки, литовские и крымские татары и др.) встречались вообще весьма редко. К концу XVII в., когда приток военнопленных прекратился, число собственно «европейцев» на сибирской службе, видимо, составляло всего несколько десятков человек. В целом можно полагать (но только весьма приблизительно), что с конца XVI по начало XVIII в. во «взятии Сибири» приняло участие около 1 тыс. выходцев из стран «Запада», в том числе около 200 «немцев» [Rezun, Zuev, 1996] (см. также: [Резун, 1996; 2000]).

Об удельном весе представителей нерусских народов Приуралья и Поволжья говорить стоит только гипотетически. Учитывая большой постоянный приток гулящих и промышленных людей из Поморья, можно высказать версию и о возможной значительной доле в составе сибирских служилых людей обрусевших коми, зырян и пермяков.

Что касается сибирских народов, то из них наиболее заметное и стабильное место в гарнизонах занимали «татары». Процент новокрещеных среди казаков был весьма незначительным. Однако он не отражает в полной мере насыщенность гарнизонов выходцами из аборигенной среды. Многие служилые люди, которые по фамилиям известны как «русские», на поверку (при обнаружении необходимых сведений) оказываются по происхождению «иноземцами». Таких примеров можно привести большое количество.

Заключая, отметим, что роль полиэтничной когорты служилых «иноземцев» в русском движении «встречь солнцу» была намного выше их удельного веса. Исследователями уже неоднократно отмечалась весьма высокая доля «европейцев», особенно «поляков» и «литвы», в командном составе сибирских служилых людей: во мно-

гих гарнизонах она доходила до одной трети, а в отдельные годы – до половины и более детей боярских [Никитин, 1991. С. 63; Соколовский, 2004. С. 89, 96, 97; Каменецкий, 2005. С. 280–285; Сафронов, 1967. С. 83–84; Бродников, 1993. С. 14]. Нередко они являлись командирами землепроходческих экспедиций и возглавляли отряды, воевавшие с «немирными» сибирскими «иноземцами». Если начать перечислять людей, внесших заметный вклад в присоединение, освоение, оборону и изучение Сибири, то среди них в большом числе окажутся «западники»: Черкас Александров, Черкас Рукин, Яков Тухачевский, Андрей Просовецкий, Яков Плешевский, Петр Собанский, Самсон Новацкий, Павел Волховицкий, Андрей Барнешлев, Роман Грожевский, Никифор Черниговский, Адам Каменский-Длужик, Демьян, Василий и Михаил Многогрешные, Афанасий Бейтон и многие другие. Это вполне объяснимо: бывалые воины, знавшие ратное дело и умевшие воевать, имевшие опыт общения с вольнолюбивым шляхетством и казачеством или со своеобразными наемниками, в своем большинстве грамотные и нередко образованные, они умели находить общий язык и с воеводской администрацией, и со служилым «войском» (см.: [Александров, 1988. С. 100; Никитин, 1988. С. 65; Соколовский, 2004. С. 103–125]). Наконец, после них почти во всех городских гарнизонах сложились семейные кланы, представители некоторых из них оставили заметный след в сибирской истории не только XVII в., но и XVIII в. (Павлуцкие, Бейтоны, Козыревские, Аршинские, Крыжановские, Немчиновы и др.).

Равным образом большую пользу Московскому государству принесли служилые татары, казаки и толмачи из аборигенов, а также представители потестарных элит. Они, будучи включены в русскую военно-административную систему управления, выступали связующим звеном между русской властью и своими сородичами, обеспечивая толерантность и покорность последних.

Список литературы

Александров В. А. Русское население Сибири XVII – начала XVIII в. (Енисейский уезд). М., 1964. 303 с.

Александров В. А. «Войско» – организация сибирских служилых людей XVII века // История СССР. 1988. № 3. С. 94–113.

Александров В. А., Покровский Н. Н. Власть и общество. Сибирь в XVII в. Новосибирск, 1991. 401 с.

Андреевич В. К. История Сибири. СПб., 1889. Ч. 1. 220 с.

Артемьев А. Р. России верное служенье (Род князей Гантимуровых) // Забытые имена. Владивосток, 1994. Вып. 1. С. 47–59.

Бахрушин С. В. Науч. тр. М., 1955а. Т. 3, ч. 1. 376 с.

Бахрушин С. В. Науч. тр. М., 1955б. Т. 3, ч. 2. 298 с.

Бахрушин С. В. Науч. тр. М., 1959. Т. 4. 258 с.

Белокуров С. А. Юрий Крижанич в России (по новым документам). М., 1901. 302 с.

Бродников А. А. К вопросу о социальной природе детей боярских Восточной Сибири XVII в. // Роль Сибири в истории России. Новосибирск, 1993. С. 12–20.

Буцинский П. Н. Соч.: В 2 т. Тюмень, 1999. Т. 1: Заселение Сибири и быт первых ее насельников. 327 с.

Быконя Г. Ф. Андрей Дубенский – основатель Красноярска. Красноярск, 2008. 165 с.

Дмитриев А. В. Войска «нового строя» в Сибири во второй половине XVII века. Новосибирск, 2008. 236 с.

Емельянов Н. Ф. Заселение русскими Среднего Приобья в феодальную эпоху. Томск, 1981. 181 с.

Емельянов Н. Ф. Томские служилые люди «литва» в XVII – первой четверти XVIII вв. // Проблемы исторической демографии. Томск, 1982. Вып. 2. С. 34–42.

Зуев А. С. «Дело» о полке Эгерата (К вопросу об организации в Сибири в 1660-х годах полков «нового строя») // Социокультурное развитие Сибири (XVII–XX века). Новосибирск, 1998. С. 11–20.

Зуев А. С. Русские и аборигены на крайнем Северо-Востоке Сибири во второй половине XVII – первой четверти XVIII вв. Новосибирск, 2002. 330 с.

Иванов В. Н. Вхождение Северо-Востока Азии в состав Русского государства. Новосибирск, 1999. 199 с.

Иванов В. Ф. Русские письменные источники по истории Якутии XVIII – начала XIX в. Новосибирск, 1991. 213 с.

Иванов В. Ф. Социально-экономические отношения в Якутии (конец XVII – начало XIX в.). Новосибирск, 1992. 228 с.

Каменецкий И. П. Русское население Кузнецкого уезда в XVII – начале XVIII вв. (Опыт жизнедеятельности в условиях фронта Южной Сибири). Омск, 2005. 340 с.

Катанаев Г. Е. Западно-сибирское служилое казачество и его роль в обследовании и занятии русскими Сибири и Средней Азии. СПб., 1908. Вып. 1. 115 с.

Курилов В. Н., Люцидарская А. А. К вопросу об исторической психологии межэтнических контактов в Сибири XVII в. // Этнические культуры Сибири. Проблемы эволюции и контактов. Новосибирск, 1986. С. 26–43.

Леонтьева Г. А. К вопросу об образовании постоянного служилого населения в Восточной Сибири во второй половине XVII – начале XVIII вв. (Нерчинский уезд) // Вопросы истории социально-экономической и культурной жизни Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1968. Вып. 2. С. 37–60.

Леонтьева Г. А. Служилые люди Восточной Сибири во второй половине XVII – первой четверти XVIII в. (по материалам Иркутского и Нерчинского уездов): Дис. ... канд. ист. наук. М., 1972. 372 с.

Люцидарская А. А. Личное имя в системе коммуникативной культуры (Сибирь XVI – начало XVIII в.) // Гуманитарные науки в Сибири. 1996. № 3. С. 92–96.

Люцидарская А. А. Несостоявшаяся авантюра. Из истории переселения «иноземцев» в Сибирь в XVII в. // Гуманитарные науки в Сибири. 2007. № 3. С. 82–86.

Миллер Г. Ф. История Сибири. 2-е изд. М., 2000. Т. 2. 796 с.

Никитин Н. И. Служилые люди в Западной Сибири XVII века. Новосибирск, 1988. 255 с.

Никитин Н. И. Тобольская «литва» в XVII в. // Город и горожане России в XVII – первой половине XIX в. М., 1991. С. 47–73.

Никитин Н. И. Соратники Ермака после «Сибирского взятия» // Проблемы истории России. Екатеринбург, 2001. Вып. 4. С. 51–87.

Обдорский край и Мангазья в XVII веке. Екатеринбург, 2004. 200 с.

Первалова Е. В. Северные ханты: этническая история. Екатеринбург, 2004. 414 с.

Раев Д. В., Резун Д. Я. О посылке иноземцев в Сибирь в 1635 г. // Сибирский пламенный котел: социально-демографические процессы в Северной Азии XVI – начала XX века. Новосибирск, 2004. С. 13–21.

Резун Д. Я. «Литва» Кузнецкого острога XVII в. // Казаки Урала и Сибири в XVII–XIX вв. Екатеринбург, 1993. С. 37–45.

Резун Д. Я. Выходцы из стран Западной и Центральной Европы на русской казачьей службе в Сибири XVII // Народонаселенческие процессы в региональной структуре России XVIII–XX вв.: Материалы междунар. науч. конф. Новосибирск, 1996. С. 83–85.

Резун Д. Я. Именной и библиографический словарь «немцев» в Сибири XVII в. // Немецкий этнос в Сибири: Альманах гуманитарных исследований. Новосибирск, 2000. Вып. 2. С. 67–77.

Резун Д. Я., Соколовский И. Р. О «литве» в Сибири в 17 в. // Белорусы в Сибири. Новосибирск, 2000. С. 22–64.

Самбуева Л. В. Бурятское и эвенкийское казачество на страже Отечества (вторая четверть XVIII – первая половина XIX в.). Улан-Удэ, 2003. 208 с.

Сафронов Ф. Г. Ссылка в Восточную Сибирь в XVII веке. Якутск, 1967. 96 с.

Соколовский И. Р. Участие служилых людей польско-литовского происхождения в присоединении и освоении Сибири в XVII в. (Томск, Енисейск, Красноярск): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2000. 24 с.

Соколовский И. Р. Служилые «иноземцы» в Сибири XVII века (Томск, Енисейск, Красноярск). Новосибирск, 2004. 212 с.

Соколовский И. Р. Тобольская «литва» и «иноземцы» в 1626–1637 гг. // От Средневековья к Новому времени: этносоциальные процессы в Сибири XVII – начала XX в. Новосибирск, 2005. С. 177–208.

Тычинских З. А. Служилые татары и их роль в формировании этнической общности сибирских татар (XVII–XIX вв.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2007а. 27 с.

Тычинских З. А. Татарские казачьи головы Кульмаметевы (XVII–XIX века) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2007б. Т. 6, вып. 1: История. С. 135–140.

Уманский А. П. Телеуты и русские в XVII–XVIII веках. Новосибирск, 1980. 296 с.

Шунков В. И. Вопросы аграрной истории России. М., 1974. 376 с.

Якутия в XVII веке (Очерки). Якутск, 1953. 436 с.

Rezun D., Zuev A. «Nemcy» im Staatsdienst in Sibirien Ende des 16. bis Ende des 17. Jahrhunderts // Berliner Jahrbuch für osteuropäische Geschichte. 1996. No. 2. S. 55–73.

Материал поступил в редколлегию 29.08.2009

A. S. Zuev, A. A. Lyutsidarskaya

ETHNIC STRUCTURE OF SIBERIAN SERVICE CLASS PEOPLE AT THE END OF XVI – THE BEGINNING OF THE XVIII CENTURIES

The aim of the article is to examine the ethnic structure of Siberian service class people, who played the leading role in the processes of Russian annexation of Siberia. The research is focused on the three non-Russian sources of recruitment for this group. They are expatriate Europeans, representatives of coast-dweller and Ural peoples and Siberian indigenous peoples.

Keywords: Siberia, ethnic history, service class people, the Cossacks.